

Никто, конечно, не поверил, но разговоров хватило месяца на полтора. Шутка ли: вдруг распространился слух, что двое кротких китайцев – Гена и Боря – прибившиеся ещё бог знает когда, что называется, «Христа ради», к гаражно-хозяйственной службе института и жавшие карьеру в основном по дворницкой части и которые в сознании всех, да и в их собственном, давно уже срослись в сиамских близнецов до полного неразличения, кто из них кто (так, что каждый запросто откликался и на Гену и на Борю), оказались не просто Гена и Боря, или Боря и Гена – а тибетские принцы в изгнании: Гианендра и Бирендра. Да ещё из враждующих династий, предки которых лет четыреста подряд с переменным успехом и завидной энергией сживали друг друга со свету ради того, чтобы занять престол крохотного ламаистского королевства, затерянного где-то в Гималайских горах между Индией и Китаем, на каких-то совершенно недоступных и не контролируемых никем высотах. И китайцы, и индусы до такой степени давно позабыли про это королевство, что ни у тех ни у других не сохранилось в языке даже его названия. Его территорию никогда не отмечали на картах, а честно делили поровну. Но само королевство, что удивительно, себя не забыло и всё это время существовало само по себе, по каким-то своим правилам, и никого из его жителей нимало не волновало, что о них думают соседи, каким образом делят их страну, какой губернатор назначен к ним из Пекина или Нью-Дели, назначен ли он вообще и кто это вообще такой. Что и сотни лет до этого, что и теперь – по склонам гор

или прямо в скалах ютились жалкие деревушки, в столице нередкими землетрясениями разрушались, а жителями вновь отстраивались пагоды, в монастырях крутились барабаны, монахи бубнили свои мантры и стучали колотушками в бубны или часами, а то и неделями медитировали. Облака на этих высотах были такими же полноправными гражданами и запросто проплывали прямо по улицам города, так что на них можно было даже присесть или прилечь, если путь был неблизким, а спешить вам особо некуда. Последний король, например, так и сделал: просто присел на краешек облака и уплыл в нирвану. Он давно уже достиг просветления, поэтому нисколько не заботился о наследниках и не оставил их. Вот тогда-то в старых хрониках в одном из монастырей и обнаружили записи о том, что во время последней распри, случившейся лет за сорок до того, двое принцев были вывезены из королевства. Нескольких лам разбудили от многолетней медитации и снарядили на поиски принцев. Нашли их на удивление быстро: не прошло и десяти лет. Ламы, словно призраки, без труда пересекали любые границы, каким-то образом проникали на нужные им самолёты или другие транспорты; ни холод, ни зной, ни голод, никакие соблазны или опасности окружающего мира, которого они раньше никогда не видели, не могли их остановить или заставить хотя бы немного изменить маршрут. Вероятнее всего, окружающая действительность была для них не менее призрачна, чем и они для неё, и воспринималась ими просто как очередной медитативный сон. Возможно, они даже были уверены, что физические их тела вообще не покидали пещер монастыря и пределов королевства. Как бы там ни было, но спустя почти десять лет после начала своего путешествия, все четверо явились перед Гианендрой и Бирендрой и, ни слова не говоря, уселись на полу вдоль стены и снова погрузились в медитацию, словно были они запрограммированные роботы, которые отключились, как только программа была выполнена. Решение, возвращаться в королевство или нет, оставалось за принцами: ламы не могли им приказывать. Своим появлением они только передали сообщение о том, что их ждут, и они готовы их сопроводить.

Но тогда мы ни о чём таком, разумеется, не догадывались – Боря и Гена квартировали в нашем общежитии, в полуподвальчике, гостей к себе не звали, да и не бывало охотников – а только немногие заметили, из тех, кто вообще обращал на них внимание – по службе ли, по-соседски, – что стали они какие-то грустные, задумчивые, рассеянные и даже стали попивать горькую, чего за ними до сих пор не водилось. И только через год-полтора после прибытия лам кто-то случайно вроде увидел сквозь мутное зарешёченное окошечко полуподвальчика будто бы восковые фигуры или мумии, сидящие вдоль стены, кто-то сопоставил увиденное с неосторожной хмельной болтовнёй одного из близнецов и истолковал её самым невероятным образом, кто-то куда-то даже сообщил, кто-то кого-то даже прислал проверить, и в результате распространилась эта то ли сплетня, то ли легенда, то ли чья-то насмешка, что Боря и Гена – те самые изгнанные тибетские принцы Гианендра и Бирендра из экзотического, почти музейного и курьёзно крохотного гималайского королевства, о которых в своё время, лет сорок назад, была даже заметка в специальном журнале или сюжет на телевидении! В общем, кто-то что-то помнил, а остальным этого вполне хватило. Многие тогда вообще впервые узнали об их существовании (и вспомнили о своём), кое-кто, знавший близнецов ранее, – слегка подивился и, повертев пальцем у виска (непонятно, кстати, в чей адрес), вернулся

к своим рутинным делам, большинство же всё-таки пропустило эту сплетню мимо ушей, просто не поняв, о чём речь и каким образом вся эта дичь может иметь отношение к ним. Но на некоторых, и, в первую очередь, разумеется, на нас, эта новость произвела серьёзное впечатление. Наше удивление тем естественнее понять, если учесть, что когда-то давно, в детстве, мы, прочитав где-то или услышав об истории с принцами и узнав, что есть на свете такая страна (источники о которой хотя были очень скудны – не сообщалось даже её название – и впоследствии мы больше о ней ни разу не слышали) настолько пленились её образом, что сами додумали всё остальное: её географию, историю, жизненный уклад. Может быть, недостаток реальных сведений как раз и предопределил размах фантазии. Мы до мелочей продумывали планы городов, рисовали карты, составляли родословные таблицы правящих династий. Мы выдумали про себя, что мы её законные наследники, пребывавшие до поры в эмиграции. Привыкшим к насмешкам, косым взглядам, брезгливости и испугам в свой адрес, нам тем приятнее было думать о ней, как о нашей тайной родине, где нас ждут, где нас любят и примут как равных, чем недостижимее и призрачнее она была. Мы же были не настолько наивны, чтобы надеяться на подобное отношение где-то ещё: люди везде одинаковы, и за внешней доброжелательностью всегда скрывается оскорбительная жалость или словоохотливое бабское сострадание, спешащее, впрочем, отвести глаза. Надежда оставалась только на прекрасную Шамбалу, как мы договорились её называть. Грёза о ней со временем превратилась в своеобразную интеллектуальную игру, некий защитный буфер между нами и враждебным миром, согласным пока ещё терпеть нас в силу каких-то, не всегда даже ему самому понятных, зыбких условностей. Поэтому нетрудно вообразить, как мы были взволнованы, когда наш вечно пьяненький сосед, единственный, кстати, наш знакомый, относившийся к нам по-человечески, (и то, правда, потому, что у него, видимо, всегда двоилось в глазах и он не замечал ничего необычного) сообщил нам новость о Боре и Гене. Никто, конечно, не поверил, но разговоров хватило месяца на полтора. Шутка ли... тем более о тех мальчиках с тех пор ничего не было слышно, и были серьёзные подозрения, что они в итоге погибли. Да ведь не могли же и ламы ошибиться?! В конце концов, совершая своё путешествие, они не обладали собственной волей и не принимали никаких решений, строго говоря, они никого и не искали, а были похожи на листочки или щепки, попавшие в могучий горный поток, который и вынес их к нужному берегу. А уж поток ошибаться не мог. И всё равно – что-то здесь не сходилось. Ну хотя бы то, что посланный к близнецам под надуманным предлогом, якобы для опрессовки труб, газовщик (тот самый наш сосед), никаких мумий не увидел: кроме хозяев, там были ещё четверо вполне живых и, кажется, тоже китайцев, которые, когда он пришёл, просто натурально пьянствовали, закусывая жареной селёдкой и не обращая никакого внимания ни на хозяев, ни тем более на пришедшего. Селёдку они пожарили именно солёную, от чего по квартирке распространилась такая нестерпимая вонь, что наш лазутчик спешно ретировался, даже не выполнив того, зачем якобы приходил. Это, во-вторых. Ну а во-первых... странное поведение самих близнецов, которое тем и было странно, что почти совсем не изменилось со времени прибытия лам: то ли они чего-то боялись, то ли не признавали себя теми, кем считали их ламы, то ли ещё неизвестно что. Было и ещё одно обстоятельство, которое требовало проверки.

Настоящие принцы, согласно традиции, должны были обладать неким артефактом, своего рода опознавательным знаком, который и подтверждал бы их права. Что именно это должно быть, было не совсем понятно, и мы условились между собой называть это нечто *вещицей*. Была ли эта *вещица* у близнецов – мы не знали. Но по всему выходило, что да: именно она и послужила для лам своеобразным ориентиром или магнитом. Обладание *вещицей* награждало судьбой, но не лишало выбора: *вещицу* можно было передарить, от судьбы отказавшись. Найти бы ещё того, кто согласится такой дар принять! Тем более смешно было предположить, что кто-то мог её украсть: для вора она не имела бы никакой ценности, и к тому же, попади она подобным путём, например, к близнецам – ламы никогда бы не нашли их. Все эти сомнения разрешились неожиданным образом и почти сами собой, когда однажды принцы вдруг явились к нам.

– Мы вас не ждали, но рады, – сказал мой брат, и мы протянули им руку.

Гости выглядели смущёнными, и разговор сперва не клеился. Но никаких сомнений в том, что они именно те, за кого мы их принимаем, не оставалось. Из их несколько сбивчивого и слегка путаного рассказа выходило следующее: из королевства они были вывезены совсем малышами, трёх-четырёх лет, не больше. Главной причиной была даже не бушевавшая тогда распря, которая к тому же выдыхалась и уже катилась к замирению, а предполагаемая медицинская операция: братья родились «сиамскими близнецами». Срослись они спиной к спине, но не фатально: все жизненно важные системы были разделены. Это вселило надежду. Единственный бывший в королевстве европеец – английский доктор – обещал безутешным родителям счастливый исход у себя на родине. Родителям ничего не оставалось, как соглашаться. Втайне ото всех доктор с близнецами покинул королевство. Но повёз он их не в Англию, а в Америку, где немедленно продал в знаменитый бостонский «Цирк уродов». Хозяин цирка был несколько разочарован: в своих письмах доктор, уговаривая, обещал ему «первоклассных уродцев», и он уже вообразил себе человека с двумя головами. На деле же оказалось, что у близнецов не было даже общих костей, а лишь небольшое сращение в области таза, которое, впрочем, выглядело «эффектно», но не на ту сумму, которую он обещал доктору. Титул же близнецов в его глазах вообще ничего не значил, хотя потом, в программках, он и не забывал указывать, что они «бенгальские принцы». Получив меньше ожидаемого, доктор для вида повозмутился, но на самом деле не слишком расстроился: родители близнецов снабдили его увесистыми алмазами, выручка от продажи которых и должна была пойти на оплату операции. На том подельники и расстались, а для братьев начались годы унижений и скитаний. Цирк постоянно гастролировал, и уже с пяти лет их заставляли выходить на арену. Сначала они просто демонстрировали своё уродство, затем, по мере взросления, их обучали разным трюкам, фокусам, нехитрым репризам, дрессируя почти как животных. Окружали их такие же несчастные: разнообразные карлики, великаны, горбуны, трёхногие, трёхрукие люди, женщина-кошка, человек-собака и тому подобное. Хозяин со всего этого паноптикума получал солидные барыши, а многие актёры жили почти впроголодь. Вообще в той жёсткой иерархии, которая установилась в цирке, принцы занимали самое незавидное и унижительное положение, постоянно подвергаясь побоям и поборам, нередко даже и со стороны своих

товарищей. Но на родине о них не забыли. Когда близнецам было чуть больше двадцати, их разыскали и выкупили из цирка. Родителей к тому времени уже не было в живых, а в королевстве не осталось законных наследников. Операция, обещанная больше двадцати лет назад, прошла успешно. Впервые в жизни братья обнялись. А вернувшись на родину, немедленно развязали безобразную бойню, оспаривая друг у друга родительский престол. Бойня эта была много беспощаднее той последней, из которой их в своё время вывезли. Об этом безумии так никто никогда и не узнал бы, если бы не алмазы, которые доктор получил на операцию и постепенно пускал в оборот. Были они какой-то невероятной чистоты и заинтересовали многих. Какое-то время ему удавалось скрывать их происхождение, но бесконечно так продолжаться не могло. Наконец, он всё-таки решился сам возглавить компанию по их добыче и организовать экспедицию в почти неизвестное и никому ранее не интересное высокогорное королевство. Вторгшийся из Индии английский десант нашёл страну в плачевном состоянии: непродолжительная, но кровопролитная междоусобная война полностью истощила ресурсы, половина населения была истреблена, а вторая половина разорена, никаких алмазов или месторождений не было и в помине. Двумя-тремя военными манёврами англичане, разведя враждующих, прекратили безумную бойню и, немного передохнув и поняв, что ловить здесь нечего, навсегда покинули королевство, ради смеха назначив приведшего их доктора губернатором. Доктор же на этом деле полностью прогорел, лишившись к тому же своей деловой репутации, а у местного населения, напротив, снискав славу миротворца. Простодушные ламы объявили доктора реинкарнацией одного из своих многочисленных Будд и даже соорудили в его честь небольшой храм. Осмотрев его и криво усмехнувшись, он достал браунинг и тут же и застрелился. Ламы к такому решению отнеслись с уважением и, кое-как запихнув труп довольно тучного при жизни доктора в золотой сидячий саркофаг, с почестями установили его в храме. Для принцев эта история тоже не прошла бесследно: ламы прокляли их и в очередной раз изгнали из королевства. С собой им было разрешено взять только *вещицу* как знак проклятия и напоминание о родине, которой они принесли столько зла. Проклятие же вкуче с *вещицей* сообщали принцам феноменальное долголетие: наказание должно было быть долгим. Несколько десятилетий они скитались по разнообразным тибетским монастырям, но, в конце концов, были отовсюду изгоняемы. Каким-то ветром их занесло в Россию. Здесь они пережили революцию, Гражданскую войну, ещё одну войну, ещё одну революцию и, наконец, сидели перед нами. О своей родине за всё это время они не получали никаких известий и ничего о ней не знали. Только лет сорок назад долетела весточка, что ещё двое мальчиков, так же, как и они когда-то, были вывезены и спрятаны где-то за пределами королевства.

Удивительно, но поначалу сбивчивая и спотыкающаяся речь братьев постепенно становилась ровной, как будто горная река, преодолев пороги, спустилась в долину и вошла в спокойное русло. Голоса, поочерёдно подхватывая повествование, гипнотизировали. Не знаю, как мой брат, а я практически видел все эти горы, и пагоды, и монастыри, и тесные улочки города, крикливые и кривые. Наконец, я увидел и ту самую реку, по разным берегам которой во главе своих сторонников стояли Гианендра и Бирендра. Ещё недавно неразлучные, теперь они были разделены наследственной враждой. Решающая битва должна была

случиться с минуты на минуту. Вдруг из-за перевала высыпали англичане. В своей форме колониального образца – шорты, песочного цвета кителя с короткими рукавами, гольфы до колен, пробковые шлемы – они больше походили на бойскаутов-переростков и поначалу вызвали смех в обоих лагерях. Но, выкатив пушки, которых здесь раньше не видели, и произведя по нескольку выстрелов (как потом выяснилось – холостых) в обе стороны, они посеяли нешуточную панику и на том и на другом берегу. Оба войска разбежались. В общей суматохе братьев столкнули в реку. Не умевшие плавать, они уже считали себя погибшими, но всё же кое-как барахтались, теряя попусту драгоценные силы. Наконец, кому-то из них пришло в голову не бороться с течением, а покориться ему и ждать, куда река сама вынесет на спасительный берег. Это спасло обоих. А на берегу уже ждали ламы. Дрожащим от страха и холода принцам произнесли проклятие, вручили *вещицу* и указали путь из королевства.

Повторюсь: рассказ братьев произвёл на нас гипнотическое впечатление. Мы будто сами пережили всё то, о чём они говорили. Будто не они, а мы стояли там, на берегу перед ламами – голые и дрожащие, с клацающими от холода и страха зубами. Будто не они, а мы выслушивали их проклятия. Мне даже показалось, что я вспомнил или, вернее, узнал лицо верховного ламы – последнего соотечественника, которого видели те несчастные мальчики сорок лет назад, когда он склонился над колыбелью, перед тем, как их навсегда увезли из страны. Поэтому, когда Гианендра и Бирендра, завершив свой рассказ, достали из кармана и, склонив головы, преподнесли нам *вещицу*, мы нисколько не удивились. Мы столько думали о ней, столько говорили и спорили, пытались вообразить, что это может быть, так давно мечтали её увидеть... и вот теперь были совсем равнодушны: мы были готовы к своей судьбе. На Гианендру и Бирендру мы смотрели с нескрываемым презрением: большего они не заслуживали. Их слова о том, что теперь должен быть только *неразделённый* правитель, были, разумеется, излишни. Не дослушав и оборвав ничтожеств на полуслове, мы подошли к окну: находиться с ними в одной комнате, смотреть на них, слышать их – было уже невыносимо. За окном была зима. Где-то вдалеке город утопал в новогодних огнях и предпраздничной суете. Мы прожили здесь всю жизнь, но сейчас он казался абсолютно чужим. Внизу, под окнами, мы увидели тех, кого и ожидали: четыре неподвижных фигуры, в оранжевых балахонах, безупречно лысые и, кажется, босые. Мимо, совершенно их не замечая, и даже сквозь них, проходили мужчины, женщины, дети.